

Отражение репрессий времен Гражданской войны и установления советской власти в Крыму в русской литературе 20-х годов XX века

В статье рассматривается продолжение крымской темы в русской литературе, ранее исследованной А. П. Люсым в его диссертации «Крымский текст русской культуры и проблема мифологического контекста» (Москва, 2003). Как известно, целый ряд русских писателей оказался в Крыму в те несколько месяцев, когда Россию охватила Гражданская война. Укрепление советской власти на полуострове сопровождалось бессмысленными и неоправданными репрессиями. Целью настоящей статьи стал анализ того, каким образом эти жестокие времена и сопровождающие их преследования граждан собственной страны нашли отображение в художественном слове писателей И. С. Шмелева, Е. Н. Чирикова, М. А. Булгакова и К. А. Тренева, трое из которых явились непосредственными очевидцами произошедшего.

Ключевые слова: Гражданская война, Крым, Е. Н. Чириков, И. С. Шмелев, М. А. Булгаков, К. А. Тренев.

E. Nikolsky, A. Kravtsov

Reflection of the Repressions during the Civil War and the Establishment of Soviet Power in Crimea in Russian Literature of the 1920s

The article considers the continuation of the Crimean theme in Russian literature that was previously explored by A. P. Lyusy in his thesis "Crimean text of Russian culture and the problem of the mythological context" (Moscow, 2003). As we know there were some Russian writers who lived in the Crimea during few months when Russia is swept the Civil War. The strengthening of the Soviet power in the peninsula was expressed in the senseless and unjustified repressions. The aim of this article is to analyze the way in which these violent times and accompanying prosecution of citizens of their own country were reflected in the creative expression by the writers I. S. SHmelev, E. N. CHirikov, M. A. Bulgakov and K. A. Trenyov, three of whom have witnessed the incident.

Key words: Civil war, Crimea, E. N. CHirikov, I. S. SHmelev, M. A. Bulgakov, K. A. Trenyov.

Тема и проблема Крыма для русской истории и культуры порою были весьма болезненными. Литература как инструмент общенародной памяти (в том числе и после 2014 года) понуждает нас обратить взоры вспять, чтобы не забывать уроков истории. Поэтому целью нашей статьи стало постижение того, как репрессии в Крыму против граждан собственной страны нашли отображение в художественном слове.

Крым стал последним пристанищем на родине перед окончательным отъездом за границу для «самого распрерусского» [21, с. 3], по словам А. И. Куприна, писателя И. С. Шмелева. Его личная трагедия – гибель сына во время поражающего своим размахом террора в Крыму в 20-е – 30-е годы XX века – сконцентрировалась в первом эмигрантском произведении писателя, романе «Солнце мертвых» (1923), о котором Р. Киплинг писал впоследствии Шмелеву: «Теперь я понимаю, через какие ужасы прошла ваша страна... Произведение, страшное в своей правдивости... Ваше творчество, выходя из рамок национальной литературы, обрело общечеловеческое значение» [27, с. 57].

Разными аспектами изучения и анализа романа Шмелева «Солнце мертвых» занимались многие ученые, о чем свидетельствуют материалы международных конференций и сборники научных статей. Это крымские, российские и зарубежные филологи, историки. Назовем некоторые имена: И. М. Богоявленская [3], Р. М. Горюнова [8], Чеслав Андрушко [1], Т. Ф. Куприянова [15], С. И. Кормилов [14], Н. В. Норина [16], С. Б. Филимонов [23] и другие. Во многих научных трудах роман «Солнце мертвых» рассмотрен в контексте духовной культуры православия.

Эта книга сразу же вызвала массу отзывов за границей: ее сравнивали и с Апокалипсисом, и с дантовским «Адом», ибо, по словам А. В. Амфитеатрова, «более страшной книги не написано на русском языке» [26, с. 41]. Описывая картину гибели всего живого, Шмелев стремился к точности, документальности своего рассказа. В нем нет ничего выдуманного, весь этот ужас писатель испытал на себе, оставаясь в своем домике в Крыму все годы Гражданской войны. Смерть ходила рядом, но, к счастью, не коснулась его самого. Наблюдения Шмелева над трагедией падения всего самого лучшего и доброго, что связывало его с этими местами, выражается в своеобразной попытке бегства от собственной гибели: «Надо начинать день, увертываться от мыслей. Надо так завертеться в пустяках дня, чтобы бездумно сказать себе: еще один день убит!» [28, с. 7]. Слава Богу, что убит день, а не человек, не писатель Шмелев.

В его книге перед читателем открывается трагедия, произошедшая в Крыму, когда туда пришли большевики, пришли «те, кто убивать ходят» [28, с. 37]. Получив приказ из столицы «помести Крым железной метлой» [28, с. 51], «новые творцы жизни» [28, с. 96] с жаром принялись за его выполнение: «И вот – убивали, ночью. Днем... спали. Они спали, а другие, в подвалах, ждали... Целые армии в подвалах ждали. Юных, зрелых и старых, – с горячей кровью. Недавно бились они открыто. Родину защищали <...>. Теперь, замученные, попали они в подвалы. Их засадили крепко, морили, чтобы отнять силы. Из подвалов их брали и убивали» [28, с. 36].

Как само зло представляются у Шмелева «краснозвездные», «мелкие стервятники» – их поступки не подлежат объяснению и не имеют никакого оправдания [7, с. 7]: «То было другое время – другие большевики, первые. То были толпы российской крови, захмелевшей, дикой. Они пили, громили

и убивали под бешеную руку. Но им могло вдруг открыться, путем неожиданным, через «пустяк», быть может, даже через одно меткое слово, что-то такое, перед, чем пустяками покажутся слова, лозунги и программы, требующие неумолимо крови. Были они свирепы, могли разорвать человека в клочья, но они неспособны были душировать по плану и равнодушно. На это у них не хватило бы «нервной силы» и «классовой морали». Для этого нужны были нервы и принципы «мастеров крови» – людей крови не вологодской...» [28, с. 120–121].

Не так представляется Крым в книге Е. Н. Чирикова, судьба и творчество которого также тесно связаны с периодом «репрессивных» 20-х годов XX века в Крыму, когда он вынужден был перебраться на полуостров под угрозой ареста и пробыть здесь какое-то время. Его роман «Зверь из бездны», вышедший в Праге в 1926 году, адресован каждому из поколений. В сегодняшнем прочтении он представляет не только историко-литературный интерес, но и делает возможным распознавание и предупреждение современных трагедий: апокалиптический «зверь, выходящий из бездны» (Апок. 11, 7) правит кровавый пир на земле, когда люди, одержимые ненавистью, уничтожают друг друга [2, с. 283]. В своем письме к дочери Людмиле Чириков писал: «Тема животрепещущая и написана не тенденциозно, не щажу ни красных, ни белых в смысле озверения человеческих душ и любви» [18, с. 463]. Вот как он пишет об этом в самом романе: «Несколько дней шел кровавый пир "Зверя из бездны". Люди уничтожали друг друга, как ненавистных гадюк, пьянели от крови, стонов, грохота орудий и свиста разящих пуль. Ничего не осталось в душах. Только одна кровожадная ненасытная ненависть. Человек сделался страшным, и Дьявол отдыхал, потому что ему нечего было делать на земле... Белые говорили за красных, красные за белых, и так запутались, что перестали верить даже своим, и часто своих же громили орудийным огнем...» [24, с. 23–24].

Христианское осмысление событий Гражданской войны позволило Чирикову оставаться объективным в изображении враждующих сторон [2, с. 283]. Автор наравне показывает разрушительные идеи и белых, и красных: «Красные построили свою силу на ненависти и мести. Белые начали строить на любви к человеку и родине, но пламя ненависти и мести перекинулось от красных к белым, заглушило идею любви, и "Зверь из бездны" объял своим смрадом всю землю русскую» [25, с. 7]. «В Крыму уже были однажды "красные" и в течение трех месяцев пировали свою победу кровавыми тризнами в Ялте и Севастополе» [24, с. 201].

Автор также приводит примеры кровавой бойни и ужасных событий каждой стороны в отдельности, подчеркивает духовное состояние людей: «"Красный синодик" Крыма за эти три месяца, несомненно, войдет в историю революции одной из страшных страниц по жестокости и тупой мстительности людей, очутившихся во власти "Зверя из бездны"» [24, с. 201]. Писатель изображает равносильное разочарование народа в белых и страх

перед ужасом того, что творили красные, чем впоследствии заслужил прямое отторжение многих представителей эмиграции, обвинявших его в очернении «белого дела»: «Почему раньше народ встречал белую армию цветами и хлебом-солью, а потом возненавидел и провожал смехом и свистом? Погибли тысячи прекрасной идейной молодежи и сейчас гибнут, задерживая продвижение кровожадного чудовища к последнему прибежищу на Черном море, но разве они гибли и гибнут, чтобы дать возможность прежде всего спастись всей этой...» [24, с. 123].

Даже семантика слова, выбранного Чириковым в качестве фамилии главного героя и семьи, вокруг которой строится сюжетная основа, говорит нам о метании между берегами – паром. Как указывает словарь Ожегова, «паром – плоскодонное судно, плот для переправы через реку (озеро, пролив) людей, транспортных средств, грузов» [17, с. 494]. Выбор не случайный. Владимир Паромов мечется между двумя берегами, между белыми и красными, хочет находиться между ними, где-то посередине, не приставать ни к тому, ни к другому берегу, что как мы знаем, в ситуации с паромом невозможно.

Изображая чудовищность сложившейся ситуации, Чириков определяет ту безысходность, которая постигла простых людей, оказавшихся в плену «зверя» и ставших разбойниками: «Так мирно настроенных людей, не желавших проливать человеческой крови, «Зверь» превращал в озлобленных разбойников...» [25, с. 8], хотя поначалу именно бегство от «зверя» в Крым представляется им идеальным решением проблем. Вспоминая прежние годы на полуострове, герои книги видят Крым как место, куда не должна дойти власть большевиков, место, где можно укрыться от невзгод и тягостных дней: «Нарисовался в памяти красивый дикий уголок на южном берегу Черного моря, маленький белый домик с колоннами, похожий на греческий храм, и всплыла идиллическая картинка на балконе, обвитом виноградом и китайской розой» [24, с. 30]. И в настоящем, в минуты отчаяния и близости гибели они словно живут ради последнего рывка в Крым: «Вздрогнула душа. Нет, нет!.. Он хочет жить, хотя бы для того, чтобы прокрасться в Крым; лесами и горами, по диким тропкам, спуститься к морю, ночью проползти, как червяк, к белому домику с колоннами и еще раз посмотреть и поцеловать, проститься со всеми» [24, с. 31]. Крым является для них местом прибежища, последним и единственным оплотом мира и покоя: «А потом, когда выпал бы благоприятный момент, они оба убежали бы... Куда?.. В Крым. Это единственный уголок, где есть покой и мир и где можно не убивать» [24, с. 85]. Это естественно, поскольку они жили там до начала Гражданской войны, поскольку у них там есть дом и лучшие годы связаны с этими местами. Крым представляется им идиллией, хотя на самом деле не является таковым.

В отличие от Чирикова у Шмелева те же белые домики становятся символом одиночества: «Я знаю, что в виноградниках, под Кастелью, не будет винограда, что в белых домиках – пусто, а по лесистым взгорьям

разметаны человеческие жизни... Знаю, что земля напилась кровью, и вино выйдет терпким и не даст радостного забытья. Страшное вписала в себя серая стена Куш-Каи, видная недалеко. Время придет – прочтется...» [28, с. 9].

В своем восприятии всеобщей усталости от происходящего Шмелев, как и его современник Чириков, сходятся на том, что «народ истомился, измучился, изголодался, жаждал мира, тишины и порядка, ненавидел одинаково и красных, и белых, а его продолжали терзать обе стороны, отнимая хлеб, скотину, одежду, и принуждали силою продолжать человеческую “бойню”». Крымские леса и горы наполнялись дезертирами. Появились красно-зеленые, бело-зеленые и просто зеленые. Первые – дезертиры от красных, вторые – дезертиры от белых, третьи – дезертиры, не успевшие еще побывать ни в красных, ни в белых и скрывшиеся вообще от “бойни”...» [25, с. 122–123], а всеобщее озлобление, голод, когда сама по себе жизнь давно уже сведена к первобытной дикости.

Вот откуда появляются «ревы звериной жизни» [28, с. 14]. Шмелев продолжает свои страшные свидетельства: «Горсть пшеницы стоила дороже человека» [28, с. 14], «и убить могут, теперь все можно» [28, с. 14], «из человеческих костей наварят клею <...> из крови настряпают “кубиков” для бульона» [28, с. 7], «на дороге убивают одиноких прохожих. Вся местность обезлюдела, нет явного движения. Люди затаились, живут – не дышат. Все прежнее изобилие Крыма – “съедено, выпито, иссякло”. Страх, что придут и последнее отымут воры, или из Особого отдела; “мука рассказана по щелям”, ночью придут грабить. Татарский двор, 17 раз перекопанный в ночных набегах. Ловят кошек в западни, животных постигает ужас. Дети гложут копыта давно павшей лошади. Разбирают покинутые хозяевами дома, из парусины дачных стульев шьют штаны. Какие-то ходят ночами грабить: рожи намазаны сажей. Обувь из веревочного половика, прохваченного проволокой, а подошвы из кровельного железа. Гроб берут напрокат: прокатиться до кладбища, потом выпрастывают. В Бахчисарае татарин жену посолил и съел. В листики Евангелия заворачивают камсу...» [11].

Причина этой всеобщей опустелости, по словам Чирикова, еще и в том, что «люди стали прятаться в лесах и горах. Убегали от красных, убегали от белых. Стали называть себя “зелеными”. Такие во множестве появились на Кубани, на Кавказе, в Крыму. Здесь они появились с первым же приходом большевиков. Теперь, когда пришли белые и их вожди объявили принудительную мобилизацию, количество их возросло и с каждым днем увеличивалось. Не верили больше ни тем, ни другим, не хотели умирать сами и не хотели убивать других» [25, с. 7].

У обоих авторов итог развития событий представляется в виде пустыни – у Чирикова постепенно погибает вся семья, остаются лишь едва знакомые между собой медсестра Вероника и племянница ее жениха Евочка. Когда у Шмелева погибает все живое через исчезновение птиц: «Бедные

мои птицы! Они худеют, тают, но... они связывают нас с прошлым. До последнего зернышка мы будем делиться с ними» [28, с. 12], то автор прямо указывает: «Здесь у нас пустынно» [28, с. 238].

При этом, когда Шмелев контрастно сравнивает прошлое и настоящее своей родины, из которой «новые творцы жизни» [28, с. 96] выжали все соки: «И я не могу понять, Тамарка... Понять не могу, кому и зачем понадобилось все обратить в пустыню, залить кровью! А помнишь, еще недавно каждый мог тебе дать кусок душистого хлеба с солью, каждый хотел потрепать твои теплые губы, каждый радовался на твое ведерное вымя. Кто же это выпил и твои соки? Каждую весну ты носила, а теперь ходишь пустая и не прибавила на рогах колечка!..» [28, с. 17–18], то тем самым говорит об опустошенности земли своей не только материальной, но и нравственной, духовной: «Отныне мой храм?.. Неправда. У меня нет теперь храма. Бога у меня нет: синее небо пусто. Но шиферно-глинистые стены – мои хранители: они укрывают от пустыни. «Натюрморты» на них живут – яблоки, виноград, груши...» [28, с. 22].

Это же заметно и у Чирикова – чего стоит одно лишь название его книги «Зверь из бездны».

В «Солнце мертвых» Шмелев изображает один из распространенных способов истребления веры большевиками – надругательство над религиозными святынями: «И не дом пастыря у церкви, а подвал тюремный... Не церковный сторож сидит у двери: сидит тупорылый парень с красной звездой на шапке, зыкает-сторожит подвалы...» [28, с. 16]. И тогда его герой вынужден создавать свой храм, у себя дома. Но храм не души, а мысли: «...Нет: это отныне мой храм, кабинет и подвал запасов. Сюда прихожу я думать» [28, с. 22]. Вместе с тем он восклицает о поруганных святынях: «...Осквернили гроба святых и чуждый вам прах благоверного Александра, борца за Русь, потревожили в вечном сне. Рвете самую память Руси, стираете имена-лики... Самое имя взяли, пустили по миру, безымянной, родства не помнящей. Эх, Россия! соблазнили Тебя – какими чарами? споили каким вином?!» [28, с. 96]. И, как в продолжение, автор показывает последствия этих большевистских «стараний»: «И я замираю от изумления, когда примечу в кусту изможденного «богомол»: в порыве ряске, стоит он на умной своей молитве, воздевая иссохшие руки-лапки. Не на Крест ли он молится, монах усохший? Или не видит, что на Кресте – бутылка?!» [28, с. 101].

Интересно, что у героев Чирикова, стремящихся к собственному дому, оставшемуся в Крыму, поначалу было иное, чем у Шмелева, восприятие происходящего там: «Это было так удивительно. Точно из ада перелетели в рай. Все осталось позади. Казалось, что удалось-таки убежать от "Зверя из бездны". Здесь, в глухом уголке Крыма, где по скалистым, поросшим природным лесом из столетних можжевельников, дубов и терпентиновых деревьев, прилепились несколько домиков, словно случайно упавших из плывшего на облаках города, было так удивительно спокойно, что все лично пережитое и все, что творилось во всей стране, представлялось те-

перь страшным сном. Казалось, что, как и в далекие старые годы, здесь все еще течет мирное, беспечно ленивое время, что не было никакой всемирной войны, не было страшной гражданской бойни с ее ужасами и кошмарами» [24, с. 201].

И даже «затихла боль душевных ран, и снова вздохнули люди и стали улыбаться радостям бытия. Где-то там, очень далеко, люди продолжали убивать и мучить друг друга, но в Крыму было счастливое междуцарствие и не было ни красных, ни белых мстителей. Жители отдыхали от междоусобной брани...» [24, с. 202]. Но тут же Чириков уточняет, что «нет радости на свете вечной и нет печали бесконечной» [24, с. 202].

Итогом бесчинств красных Шмелев называет их вседозволенность и безнаказанность в отношении судеб людей: «Могут теперь без суда, без креста... Народу что побили!.. Да где ж она, правда-то?!» [28, с. 141]. Говоря о том же и перекликаясь со Шмелевым в описании трагедии народа в годы гражданской войны, поэт Максимилиан Волошин в то же время зримо воспроизводит звериное обличье чекистов и ужасает обыденностью их кровавой работы:

Собирались на работу ночью.
Донесения, справки, дела.
Торопливо подписывали приговоры.
Зевали. Пили вино.

С утра раздавали солдатам водку.
Вечером при свече
Вызывали по спискам мужчин, женщин,
Сгоняли на темный двор,

Снимали с них обувь, белье, платье,
Связывали в тюки.
Грузили на подводу. Увозили.
Делили кольца, часы.

Ночью гнали разутых, голодных
По оледенелой земле,
Под северо-восточным ветром
За город в пустыри.

Загоняли прикладами на край обрыва,
Освещали ручным фонарем.
Полминуты работали пулеметы.
Приканчивали штыком.

Еще недобитых валили в яму.
Торопливо засыпали землей.
А потом с широкою русскою песней
Возвращались в город домой... [6, с. 17].

В «Солнце мертвых» Шмелев изобразил разрушение мира, уничтожение веры и нравственно-христианских принципов целого народа. Концентрация ужаса, боли и страдания человеческого позволяет говорить об этой книге как об одной из самых трагических книг за всю историю человечества. И все же самое главное, что несет русская литература в произведении Шмелева «Солнце мертвых», – это неугасимая вера в Божий Промысел, в утверждение истины и в возрождение России.

Здесь же автор раскрывает весь тот ужас и переживания, в котором оказались мирные люди, не хотевшие пролития крови и братоубийственной войны: «Если человек соглашался называться или «красным», или «белым», то имел пред собой одного врага, а если он не хотел проливать ни красной ни белой крови, то должен был превратиться в общего врага и, защищаясь, проливать ту и другую. Так всякая "человечность", всякое моральное побуждение уйти от зла и сотворить благо приводило к еще более широкому злу» [25, с. 8].

В романе Чирикова «Зверь из бездны» также изображена крайняя степень жестокости: «Боялись гонять на пастбища гурты овец и барашков: появлялись вооруженные люди, и среди белого дня, на глазах у пастухов, взваливали барашков на плечи и уносили, грозя револьверами. Боялись доносить – мстили. Захватывали неосторожных женщин, уводили в горы себе в жены, насиловали девушек. Страх пополз по всему Крыму...» [25, с. 9].

Последствием описываемых ими событий стал хаос в обществе, люди не понимали, где «свои», где «чужие»: «Кто называл разбойников и насильников красными, кто – белыми, кто – зелеными. Начались ночные набеги на уединенные хутора: назывались белыми и искали красных, назывались красными и искали белых, и всегда грабили, обвиняя в сокрытии и помощи «врагам народа...» [25, с. 9]. От хаоса в жизни, от общественного хаоса они бегут в хаос каменный: «Он так счастлив, что не может думать. Он только чувствует. – Там у нас есть древний Хаос, обвал давний... в камнях – ниши. Устрою себе там комнатку, а свет будет проходить в щели, сверху... Там хорошо писать! А вместо стола будет глыба из диорита... На будущий год посею пшеницу. Только бы зиму перебиться! Теперь печем лепешки из желудей... у нас с прошлого года запасено, но только тошно от них...» [28, с. 109].

Ирония в том, что именно семантика слова «хаос» выбрана обоими авторами (Чириковым и Шмелевым) в качестве места спасения от общества, место уединения, бегства от обязательства убивать до уединения творческого, «где можно не убивать» [24, с. 85].

С другой стороны, при расстановке приоритетов простыми людьми, оказавшимися в ситуации безысходности и замешательства, растерявшимися в своем отношении к власти, начинает казаться, «что лучше – красные, чем белые, как раньше казалось, что лучше белые. Взвешивали оба "зла", каждый – на своих весах личных впечатлений и случайностей. Неспokoйно стало по всему Крыму...» [25, с. 10].

Стоит отметить особо, что на фоне всех этих событий и ужасов Чириков, как и Шмелев, касаются судеб священников, которым было вдвойне сложно в этот период, поскольку среди всей ненависти, злобы и братоубийства они должны были оставаться любящими пастырями для людей, потерявших всякую любовь в душе: «И когда покидает Любовь – душу человеческую, из нее уходит Бог и вселяется – Ненависть. Дьявол. Зверь из бездны. Душа человека превращается в темную и страшную бездну, в которой нет ни красоты, ни творчества, а только хаос разрушения и смерть...» [24, с. 48].

На страницах романа Шмелева мы узнаем историю, рассказанную от лица одного из героев произведения Спиридоныча, о монахе, судьбу которого также предрешила бесчеловечность той поры: «А вот был у меня приятель, жандарм на станции, – вот был человек! Мало теперь таких. Женился это он на телеграфистовой дочке, на Машеньке. И так это они любовно и согласно жили, что смотреть со стороны было хорошо. И вот как Машенька от родов померла, он сперва пил водку, потом бросил и в монастырь постригся. Ей-Богу! Молодой еще, а так решил, что нет Машеньки – одно утешение пост и молитва...

– Ну и что же?

– Убили, царство небесное... – со вздохом говорил Ермишка и жалел: – Зря убили: вступился не в свое дело, деньги монастырские, то есть кассу на руках имел, а грабить пришли. Ну и убили... Да, жалко. Ребеночек от Машеньки остался. Как в монастырь уйти, он его целовал-целовал, а потом это отдал бабке, махнул рукой и пошел в монастырь... И так, братец, все жалели, что которые плакали... Сирота теперь, круглая. Ни отца, ни матери...» [24, с. 64–65].

Общество, которое превращалось в «зверя», не щадило даже детей и уничтожало все на своем пути. Вот как в своем романе Чириков изображает картину жизни духовенства и раскрывает всю тяжесть священнического служения в данный период: «В дверях выросла фигура немолодого священника с тоской и страданием на лице. – Если вы выбросите меня с детьми на маленькой станции, мы погибнем. А я не могу, как священник и христианин, бросить тело жены без гроба, без отпевания. Человек – не собака...» [24, с. 115–116].

В этих строчках автор приводит пример истинной человеческой любви, поскольку показывает священника в первую очередь как человека, не зараженного духом злобы и ненависти «зверя из бездны», отличного в этом от простых людей. Он плачет, как ребенок, видя страдания своих детей: «– Мама! Мамочка! – зывали детские голоса из соседнего отделения, и вдруг священник припал руками к косяку двери и стал рыдать, как обиженный мальчик...» [24, с. 116].

В самые тяжелые моменты жизни люди, как правило, обращаются к Богу как к последней надежде в это безнадежное время. Так и у Чирикова, горе объединило людей и заставило вспомнить самое главное в жизни каждого человека: «– Во имя Отца и Сына, и Святого Духа... – затянул вдруг дрожащий, готовый оборваться голос священника... Кто мог, – встал

и стоял с опущенной головой. И снова всем было стыдно... Не смотрели друг на друга... И снова в разных местах вагона заплакали женщины, потерявшие недавно близких и дорогих людей. Опять начались истерики...» [24, с. 116].

Чириков сказал в романе и о важности надежного спутника в жизни священника, матушке, которая была для него ангелом-хранителем: «– Прощай, дорогая Марусенька! Прощай, мой добрый ангел-хранитель! – причитал он, рыдая над мертвой.

– Мама! Мамочка! – хором кричали дети...

И все думали: от смерти никуда не убежишь...» [24, с. 117].

В противостоянии красных и белых в обоих лагерях встречались люди, «заблудившиеся на путях исканий "правды Божией" на земле» [24, с. 80]. Таков в его романе Спиридоныч – единственный, кто не скрывал своей веры в Бога перед военными товарищами, и, как мог, старался молиться, придерживался нравственности, насколько позволяло то время: «Иногда Спиридоныч тихо напевал "покаяния двери отверзи ми" и не замечал, как пугливо избегает его глаз притихший Ермишка, а товарищи, слыша гнусавое пение Спиридоныча, переглядывались и подсмеивались.

– Опять задьячил...

– Ему бы в попы, а он в красную армию. Чудак человек.

Чудак – человек. Однажды товарищи поймали Спиридоныча за самым контрреволюционным занятием: заперся в чулане и молился там коленопреклоненно Богу. Молодой хотел кому следует донести, обозлился, но узнала об этом сестрица и сказала:

– Никого это не касается, товарищи. Вреда никому он не делает, а верить или не верить в Бога – дело нашей совести...» [24, с. 70].

Осмысляя весь трагизм подобных братоубийственных войн, Чириков восклицает: «Странное слепое чудовище – эта гражданская бойня!» [2, с. 211]. Находясь в таком состоянии, люди уже не владели собой, их захлестнула ненависть и желание мести, и под влиянием этих страстей люди потеряли одно из главных дарований – способность анализировать свои поступки: «"Сатана тот правил бал". Он уже не давал людям возможности рассуждать. В этой кровавой пляске надо было без усталости плясать, ибо отдых грозил смертью» [25, с. 7].

Роман «Солнце мертвых» Шмелева и роман «Зверь из бездны» Чирикова – произведения, в которых авторы с большой реалистичностью передают все ужасы и трагизм времен «кровавого террора» в Крыму. Изображая картину жизни духовенства, писатели раскрывают всю тяжесть священнического служения в данный период. Но если у Чирикова размышления Вероники, характеризующие те переломные годы, завершают произведение, подводя черту под всем сказанным до этого: «"Надо убить человека или отдаться зверю", что и так и эдак означает – убить в себе человека» [25, с. 230], то герой Шмелева размышляет о жизни и смерти на протяжении всего произведения: «Тянется из неведомого клубка нить жизни – теплится, догорает. Не таится ли в том клубке надежда? Сны мои – те же сны, нездешние. Не сны ли – моя надежда, намечающаяся нить новой,

нездешней жизни?.. Туда не через Ад ли ведет дорога?.. Его не выдумали: есть Ад!», но завершает свои сомнения в существовании Неба на кладбище, в «конце концов», как называется последняя глава его книги, когда все-таки исполняется надеждой: «Чаю Воскресения Мертвых! Я верю в чудо! Великое Воскресение – да будет» [28, с. 231].

Одним из главных предметов художественного внимания авторов также является духовное состояние людей в тот период – нравственное опустошение, безысходность и ненависть друг к другу. Одним из ярких изображений последнего этапа Гражданской войны, пронизанного болью поражения Белой армии, является пьеса М.А. Булгакова «Бег», работа над которой шла в 1926–1928 годах. Перед нами судьба первых русских эмигрантов, выброшенных волной революции за пределы родной страны. Крым – Константинополь – Париж... они бегут из России, бегут от революции, но в какой-то момент понимают, что бегут от самих себя, ведь Россия – часть их души, страдавшей в разлуке. Бегут, хотя понимают, что «иной земли, кроме Крыма, у нас нет» [4, с. 496].

Одним из героев пьесы является архиепископ Симферопольский, архипастырь именитого воинства Африкан. Установлено, что прототипом этого образа был епископ Белой армии и флота митрополит Вениамин (Федченков). Однако Африкан предстает перед нами как предатель и трус, бросивший свою паству. Здесь пути героя и его прототипа существенно расходятся. Митрополит Вениамин был единственным архипастырем, который имел каноническое право покинуть Крым – он уходил на чужбину со своей паствой: воинами армии Юга России.

Литературные критики по-разному объясняют такую позицию Булгакова относительно своего героя и в целом изображения Русской Православной Церкви в своей пьесе: «К 1926 году, по-видимому, произошел духовный надлом писателя. Внешним проявлением этого болезненного события явилась пьеса *Бег*, которая очень понравилась М. Горькому («будет иметь анафемский успех»)). Булгаков давно уже был расцерковленным человеком. Но, помня свое родство и мир, который его окружал в те радостные детские годы, он никогда не писал о священниках насмешливо, тем более едко. В пьесе *Бег* архиерей и монахи – самые карикатурные фигуры. Пародируется молитва. Едкость в отношении священнослужителя проявляется даже в деталях: Африкан – архиепископ Симферопольский и Карасубазарский, он же химик из Мариуполя Махров. Все пародийно: второй титул, мнимая профессия (химик), мнимая фамилия (прилагательное махровый весьма любили советские идеологи). Изображен он трусливым, неискренним. Художественное произведение всегда типологизирует жизнь. Поэтому очевидно, что М. Булгаков делает все сознательно. Возникает вопрос, как писателю удастся так легко пойти на заведомую ложь. Писатель был современником событий. История Церкви в эти годы хорошо изучена по документам. Священнослужители явили высокий дух исповедничества. Многие стали мучениками. В белом движении при Главнокомандующем П. Н. Врангеле в описываемое время был епископ (будущий митрополит) Вениамин (Федченков) (1880–1961), оставивший нам подробные мемуары.

Это был достойный архиерей, человек высокой духовной жизни. "Бег" был закончен в то время, когда богоборческая власть начала новый этап в гонениях на Церковь. Сознал автор или нет, но от факта не уйдешь – пьеса этому способствовала» [12]. «Пьеса гениальная, но, если называть вещи своими именами, – в ней Русская Православная Церковь Булгаковым оболгана», – пишет также в своей статье «Бег от судьбы» русский писатель, филолог, исследователь истории русской литературы XX века Алексей Варламов [5]. «<...> Сегодня можно сколько угодно упрекать Булгакова за искаженный образ русского духовенства в пьесе «Бег». Аргументом станут сотни тысяч мучеников за веру. Тем не менее, не следует исключать пьесу Булгакова из документов истории. «Бег» – это ведь не попытка выслужаться перед властями. Михаил Афанасьевич действительно так думал, так видел Русскую Церковь. Он принадлежал к тому социальному кругу, который не знал о духовном подвиге, о мученичестве, о жертвенности православных людей в советские годы. Он видел, что Церковь идет на компромиссы (главный из которых – знаменитая декларация митрополита Сергия 1927 года, как раз совпадающая с написанием «Бега»), а компромиссов он терпеть не мог с юности. Ему казалось, что раз Церковь повела себя не по-аввакумовски, то Церкви больше и нет, истинно верующих больше нет» [5].

Обращает на себя внимание и редкое имя Африкан, данное писателем своему герою также неслучайно. Если мы обратимся к книге журналиста-эмигранта Григория Раковского «Конец белых»¹, вышедшей в 1921 году, то прочитаем о происшествии, случившемся с донским атаманом генералом Африканом Петровичем Богаевским в Северной Таврии осенью 20-го: «1/14 октября Богаевский был в Мелитополе в гостях у Врангеля, который праздновал годовщину своей свадьбы. Все было спокойно. Атаман предполагал доехать до Токмака и затем отправиться к командиру Донского корпуса на праздник лейб-казацкого гвардейского полка. Из Мелитополя он послал в полк записку с мотоциклистом, где сообщал, что будет у лейб-казаков 4/17 октября. Мотоциклист с этой запиской попал в плен к крас-

¹ Григорий Раковский описал отступление армии генерала Деникина, начиная с осени 1919 г., когда она стояла почти на пороге Москвы, до ее фактического распада на Черноморском побережье поздней весной следующего года. Это была история доблести и трусости, надежды и отчаянья, полная самых невероятных контрастов. В рецензируемой книге тот же автор рассказывает о попытке генерала Врангеля воссоздать белую армию в Крыму сразу после разгрома Деникина. Крымский этап эпопеи белого движения во многом напоминает деникинский: и в том, и в другом случае сначала было успешное наступление вглубь вражеской территории, затем — деморализация армии, катастрофическое отступление к морскому побережью и паническая эвакуация. И Деникин, и Врангель вполне могут повторить вслед за Амьелем, что у них была своя земля обетованная, свой час триумфа, а закончилось все изгнанием. Взлет и падение белого движения на Юге России — одна из самых трагических страниц недавней истории; какой-нибудь будущий русский поэт наверняка сочтет это темой, достойной эпоса, а историк, изучающий наше время, не преминет отметить, что в этих событиях, как в капле воды, отразилась суть сегодняшней морали и политических тенденций. И в книге Раковского этот выдающийся исторический эпизод изложен чрезвычайно ярко.

ным, делавшим набег. <...> Двигаясь на Мелитополь, красные круто повернули к северу на Токмак, по дороге захватили обоз лейб-казачьего полка с запасами вина и водки, которые везлись на праздник. Один из офицеров <...> убежал от большевиков, проскакав 30 верст, и по телефону предупредил Токмак об опасности. Атаман, однако, этой телефонограммы вовремя не получил» [19, с. 139].

Далее Раковский приводит воспоминания самого Богаевского о том, как он спасся от красных: «В темноте началась страшная суматоха. Выскакиваем на двор. <...> Всюду стрельба. <...> В этот момент на нас налетели красные кубанцы, и начали рубить, кого попало. Ожесточенная стрельба, страшные крики, стоны, вопли... Все сопровождающие меня бросились спасаться. Я оказался один с двумя офицерами, и мы свернули на боковую тропинку. Красные казаки помчались дальше на Орехов. Положение наше было отчаянное: на дворе темно, всюду красные, кроме револьверов у нас ничего нет» [19, с. 140].

Тот же эпизод приведен и в мемуарах вернувшегося в Россию бывшего прокурора Донской армии Ивана Калинина «Под знаменем Врангеля», выпущенных в 1925 году [13].

«Отсюда в "Беге" история чудесного спасения казачьего генерала Чарноты и архиепископа Африкана, которого драматург наградил именем, совпадающим с именем донского атамана. Африкан рассказывает полковнику маркизу де Бризару (Чарнота именует его графом), обрусевшему французу: "В Курчулан ездил, благословить Донской корпус, и меня нечестивые пленили во время набега". Знающие читатели могли догадаться, что его преосвященство во время "благословения" собирался на полковом празднике обильно выкупать водки и вина» [См.: 20, с. 182–183].

Однако на сегодняшний момент не установлены творческие мотивы, побудившие М.А. Булгакова изобразить митрополита Вениамина (Федченкова) в образе Африкана и химика Махрова. До конца не выяснены источники, с которыми работал М. Булгаков, создавая пьесу «Бег». Сам Булгаков не был в Крыму во время Гражданской войны и отступления Белой армии. Известно только, что одним из основных текстов, которые использовал писатель, была книга М. Ф. Бунегина «Революция и Гражданская война в Крыму» (1917–1920), изданная в Симферополе в 1927 году, а также воспоминания супруги Е. Белозерской-Булгаковой, побывавшей в Константинополе в то же время, когда там находился и митрополит Вениамин (Федченков).

Может оттого, что он там не был, он и разделил свою пьесу на «сны». Что это за сны? Если во снах, в онейросферах героев Чирикова Крым ассоциируется с семьей и домом: «Прилег головой на руки у стола и задремал. Шумел водопад на мельнице, а Паромову чудился шум лазоревого моря, синие контуры Крымских гор, горячее солнце, белые морские чайки, далекий белый парус и радужные узоры морской воды под берегами. Спускается он сперва по крутой тропинке, потом по каменной лесенке к белому домику с колоннами, а на балконе, из зелени вьющегося винограда смотрит и радостно улыбается Лада с Евочкой на руках...» [24, с. 99], то у

Шмелева сны тяжелые и страшные: «Станных людей я вижу. С лицами неживыми ходят, ходят они по залам в одеждах бледных – с икон как будто, заглядывают со мною в окна. Что-то мне говорит – я чувствую это щемящей болью, – что они прошли через страшное, сделали с ними что-то, и они – вне жизни. Уже – нездешние... И невыносимая скорбь ходит со мной в этих до жути роскошных залах... Я рад проснуться» [28, с. 6], то рад был бы проснуться и автор «Бега», когда во Сне Втором изображает Георгия Победоносца, поражающего копьём змея, все того же «зверя» из бездны, что вызывает «зверский, непонятный в начале ноября в Крыму мороз» [4, с. 487].

Годы революции значительно повлияли на мировоззрение писателей и поэтов той эпохи, что отразилось в их литературных произведениях. В их творчестве стали появляться герои, которые, испытав весь ужас братоубийственной войны и бессмысленных кровопролитий, буквально перерождались духовно. Так, после революции по-настоящему раскрылся талант и советского писателя и драматурга Константина Андреевича Тренева, который в годы Гражданской войны находился в Крыму. В специальном журнале «Крымский кооператор» в трех его номерах за 1920 год Тренев публикует рассказ «Оторванный лист», сюжет которого построен на монологе человека, чья жизнь нравственно переломилась, человека, пытающегося восстать из пепла и терпящего неудачу [10, с. 104].

Главный герой произведения, отец Иван, представляющий себе священнический путь как спокойный и размеренный, с налаженным и обустроенным бытом и тихим семейным счастьем, в один момент теряет все то, чего достиг за долгие годы: дом, жену, детей, заболевает сам. И только после таких потерь он прозревает по-настоящему и начинает искренне верить и молиться. Он не гневается, а осознает эти испытания как милость Божию: «Просто Господь чудо надо мной проявил! Житие Иовле мне сотворил: отъял, как у Иова имение и чад, с женою разлучил, тело болезнью поразил, души же моей не взял...» [22, с. 91].

Но и на этом не закончились испытания, выпавшие на долю отца Ивана. Он теряет свою паству – часть души, – которая предает его при первой же опасности: «Глянул я с козел – прихожане мои по пригорку разсыпались, смотрят издали... По Христу: "поражу пастыря и разбегутся овцы". Остался при мне только псаломщик мой. Шепчу ему:

– Что, Пантелеич, сотворим? Камо пойдём?

А он отвечает:

– Не знаю, отец Иван, камо ты пойдёшь, а я тут остаюсь, по юридической части меня назначают. Потому, что я есть убежденный коммунист <...>

Глянул я в лицо его Иудино со скорбью, но без удивления. Ибо на Дону многие псаломщики коммунистами оказались. Возгласил я только:

– Отыди от меня, сын погибельный» [22, с. 91].

Отец Иван, познав в деле свою паству, отчетливо видит, что, увы, именно народ несет в себе то, что большевизм лишь сумел отпустить на волю. Без веры, без устоев и традиций, с ложными идеалами понесет

дальше Россию, оторванный лист, от столбовой дороги мировой цивилизации и швырнет на пороге ХХІ столетия крепко оземь, породив уныние и смятение в массах, не желающих отрешиться от прошлого, каким бы оно ни было, ибо традиции не создаются, но порождаются [10, с. 104].

Тренев в своем произведении изображает также отношение коммунистов к священникам и в целом к церкви: «Увидали меня комиссары среди казаков – сейчас допрос: – Зачем поп среди товарищей! По случаю коммунизма религия отменяется!» [22, с. 93].

Подробно автор описывает мелочное безнравственное поведение большевиков, для которых не существовало никаких моральных и нравственных принципов и преград: «Отпустили меня в свою станицу. Стал я служить. Но на преполовение только что я вышел с народом из храма к реке на освящение воды, а они вот они, в помещичьей коляске, с ружьями, с лентами...

– А, вот он сознательный! Триста лет такой-сякой народ обманывал, думаешь теперь продолжать! Раздевайся!

Ну, разоблачился я, гляжу: что дальше будет?

Один это ризы и золотой крест под сиденье себе, и требник в воду.

– Товарищ, говорю, зачем тебе ризы?

– Это говорит приобщаем к делу, как вещественное доказательство.

Другой рясу с меня волокет и тоже под себя ее... Именно "разделиша ризы моя и о одежде моей меташ жребий"... Таща меня на козлы...

– В Усть-Медведицу, в чрезвычайную комиссию. Там вас, патлатых, уже с полдюжины в расход вывели» [22, с. 93].

В завершении произведения главный герой, отец Иван, пройдя долгий путь страданий, осознает, что все это было ниспослано ему для его же спасения и понимания истины: «Я, знаете, последний год часто, грешный человек, завидовал усопшим. А теперь вижу, что Господь сохранил меня для познания истины, и я лежу в ночи и не могу спать от радости» [22, с. 93].

В «Оторванном листе» Тренева изображена одна из главных проблем человечества вне времен: пытаться пройти свой путь не по воле Божьей, а по самоизволению, тем самым нарушая промысел Божий о человеке. Писатель ярко изображает аморальное и безнравственное отношение большевиков к священникам и в целом к церкви. Также Тренев показывает путь священнослужителя, который по-настоящему начинает верить и молиться, только пройдя выпавшие на свою долю испытания – потеряв все самое дорогое в жизни.

Подводя итог второму разделу, следует отметить, что гонения на Православную Церковь в Крыму (1920–1930-е гг.) нашли свое отражение как в автобиографической прозе, так и в художественной литературе. Эти источники являются такими же подлинными свидетельствами, как и архивные документы. Воспоминания духовенства, деятелей культуры, литературы и искусства дают возможность восстановить подлинность событий периода Гражданской войны в Крыму и воссоздать реальные портреты некоторых исторических персонажей и их жизненного пути, в том числе и церковнослужителей.

Исходя из воспоминаний реальных людей и изображенных в художественной литературе персонажей-церковнослужителей складывается образ священника того времени. Таким образом, в годы «красного террора» священнослужителям было вдвойне тяжело: подвергаясь гонениям и преследованиям со стороны большевиков, они оставались верными Богу и своей пастве; в то же время, наряду с внешними испытаниями, каждый проходил свой внутренний путь духовных переживаний и переосмыслений.

В параллель с изображением трагических судеб отдельно взятых личностей, в художественных произведениях Шмелева «Солнце мертвых», Чирикова «Зверь из бездны», Булгакова «Бег» и Тренева «Оторванный лист» изображено разрушение мира, уничтожение веры и нравственно-христианских принципов целого народа, концентрация ужаса, боли и человеческого страдания – итог «стараний» советской власти.

Одним из главных предметов художественного внимания авторов также является духовное состояние людей в тот период – нравственное опустошение, безысходность и ненависть друг к другу. Отражение внутренней жизни человека в период борьбы за веру не могут во всей полноте предоставить архивные документы – это прерогатива исключительно художественной литературы.

Вот почему в качестве иллюстрации к духовной пустоте «нового» человека и Шмелев, и Чириков приводят слова Ф. М. Достоевского. Чириков при этом ссылается на «Дневник писателя» 1876 года, а Шмелев говорит о «Бесах». Сравните слова Чирикова: «Ведь еще Достоевский писал когда-то, что земля для русского мужика – прежде всего и в основании всего, что земля – все, а уж из земли у него и все остальное: и свобода, и жизнь, и честь, и семья, и дети, и порядок, и церковь... На этой великой исторической "Тяге земли" погубили себя и свое единство все белые вожди, все белые Святогоры. То же случилось и в Крыму. И ненавидя большевиков, народ все-таки пошел за ними, выбрав, как ему казалось, из двух зол меньшее...» [25, с. 136] по мнению Шмелева: «О миллиончике человеческих голов еще когда Достоевский-то говорил, что в расход для опыта выпишут дерзатели из кладовой человечьей, а вот ошибся на бухгалтерии: за два миллиона пересегнули – и не из мировой кладовой отчислили, а из российского чуланчишки отпустили. Вот это – опыт! Дерзание вши бунтующей, пустоту в небесах кровавыми глазками узревшей! И вот...» [28, с. 72].

По мнению обоих писателей, Достоевский в данном случае выступил как пророк. Стоит отметить, что цитировали его в эмиграции не только указанные авторы, но и многие другие. Слишком верно он предугадал, чем русский бунт в конце концов обернется. Пожалуй, можно утверждать, что из-за этого Достоевский стал одним из самых цитируемых авторами первой волны русского рассеяния классиков.

Если же посмотреть на страницы его «Бесов», то там говорится о ста миллионах, о девяти десятых человечества: «...разделение человечества на две неравные части. Одна десятая доля получает свободу личности и безграничное право над остальными девятью десятymi. Те же должны поте-

рять личность и обратиться в роде как в стадо и при безграничном повиновении достигнуть рядом перерождений первобытной невинности, в роде как бы первобытного рая, хотя, впрочем, и будут работать. Меры, предлагаемые автором для отнятия у девяти десятых человечества воли и переделки его в стадо, посредством перевоспитания целых поколений, весьма замечательны, основаны на естественных данных и очень логичны» [9, с. 282]. Пожалуй, что эти слова имел в виду Шмелев, когда писал о «держателях из кладовой человечей», но сделал расчет исходя из тогдашних крымских реалий.

Вывод Шмелева в причинах произошедшего – все оттого, что отошел народ православный от Веры, устремился на пути по собственному волеизъявлению. О том же говорит и Тренев в книге «Оторванный лист», изображая одну из главных проблем человечества вне времен: пытаться пройти свой путь не по воле Божьей, а по самоизволению, тем самым нарушая промысел Божий о человеке. Таким образом, общий мотив всех четырех произведений – усталость от людей и бегство на остров, уединение, когда «самое дорогое теперь на свете было – любить, дремать под ласками природы, пить тишину, созерцание и правду самой природы, без ее "царя", человека, возмечтавшего сделаться Богом и превратившегося в Дьявола...» [24, с. 209]. Но и остров этот, зримый ли он, реальный, или незримый, метафизический, не смог противостоять нашествию варварскому, не стал последним пристанищем усталых путников – героев Чирикова, Шмелева, Булгакова, Тренева и многих других авторов. Не стал Крым «островом Крым» (по В. Аксенову).

Пришлось им бежать дальше, на острова, которых нет на карте, на острова отчуждения и изгнания, в эмиграцию. И в этом проявилась мифологема острова, столь характерная для русской литературы. Таким образом, мифопоэтический образ Крыма как острова становится универсалией для всех перечисленных авторов, независимо от их личного опыта и пережитого ими в Гражданскую войну. С другой стороны, личное впечатление от увиденного закрепило за ними статус свидетелей произошедшего, тем самым позволив их текстам перейти из разряда художественных в категорию художественно-документальных, благодаря чему они стали текстами, которым доверяешь априори.

Список литературы

1. Андрушко Ч. Образ времени: «Солнце мертвых» И. Шмелева и «Голый год» Б. Пильняка // Крымские международные Шмелевские чтения «Художественный мир И. Шмелева и традиции славянских литератур». Симферополь: Таврия-Плюс, 2004. С. 90–97.
2. Богоявленская И. М. «А читают нарасхват»: Крымский роман Е. Н. Чирикова «Зверь из бездны» // Крымский архив. 2000. № 6. С. 283–288.
3. Богоявленская И. М. Характер пространственно-временного отношения в эпопее «Солнце мертвых» // Крымские международные Шмелевские чтения. Симферополь: Крымский архив, 1995. С. 6 – 8.
4. Булгаков М. А. Бег // Булгаков М. А. Собр. соч.: в 8 т. М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. Т. 3. Белая гвардия: Роман, пьесы / вступ. ст. и коммент. В. Петелина.

5. Варламов А. Бег от судьбы: Алексей Варламов – об авторе «Мастера и Маргариты». [Эл. ресурс]: http://sinergia-lib.ru/index.php?section_id=1568&id=1632&view=print/ (дата обращения / accessed: 29.04.2016). Загл. с экрана.
6. Волошин М. А. Террор // Волошин М. А. Стихи о терроре. Берлин: книгоиздательство писателей в Берлине, 1923.
7. Горюнова Р. М. Жанр и система образов (Эпопея И. С. Шмелева «Солнце мертвых») // И. С. Шмелев: мир ушедший – мир грядущий: тезисы докладов II Крымской международной научной конференции, 21–25 сентября. Алушта, 1993. С. 7–8.
8. Горюнова Р. М. Образы и мотивы русского народного эпоса в эпопее И. Шмелева «Солнце мертвых» // Крымские международные Шмелевские чтения. Симферополь: Крымский архив, 1995. С. 12–14.
9. Достоевский Ф. М. Бесы. Роман в трех частях. Часть вторая. СПб., 1873.
10. Зименко Л. Неизвестный Тренев: золотой фонд «Таврики». Симферополь, 1998.
11. Солженицын А. И. Иван Шмелев и его «Солнце мертвых». Из «Литературной коллекции». Новый мир. 1998. № 7. [Эл. ресурс]: http://magazines.russ.ru:81/novyi_mi/1998/7/dnpisat.html (дата обращения: 01.04.2015).
12. Каково отношение Церкви к творчеству М. Булгакова? [Эл. ресурс]: <http://www.pravoslavie.ru/answers/print6615.htm/> (дата обращения: 29.04.2014). Загл. с экрана.
13. Калинин И. Под знаменем Врангеля. Л.: Прибой, 1925.
14. Кормилов С. И. Изобразительное и выразительное в «Солнце мертвых» И. Шмелева // Тезисы докладов II Крымской международной научной конференции, 21–25 сентября. Алушта, 1993. С. 5–6.
15. Куприянова Т. Ф. Лексические средства выражения понятия «Я – другой» в тексте эпопеи И. С. Шмелева «Солнце мертвых» // Крымские международные Шмелевские чтения «И. С. Шмелев и духовная культура православия». Симферополь: Таврия-Плюс, 2002. С. 159–167.
16. Норина Н. В. Трагическое состояние мира в «Солнце мертвых» И. С. Шмелева // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 25 (240). Филология. Искусствоведение. Вып. 58. Челябинск, 2011. С. 119–125.
17. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / РАН, Институт русс. яз. им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1997.
18. Переписка семьи Чириковых 1915, 1920–1922 годов // Крымский архив. № 7. Симферополь, 2001. С. 443–464.
19. Раковский Г. Конец белых. От Днепра до Босфора. Прага, 1921.
20. Соколов Б. В. Михаил Булгаков: загадки творчества. М.: Вагриус, 2008.
21. Спиридонова Л. А. Трагедия Ивана Шмелева, писателя и человека // Материалы II междунар. науч.-практ. конф., 21–25 сент. 1993 г. Алушта, 1993.
22. Тренев К. А. Оторванный лист // Новый град. Симферополь, 1995. С. 89–96.
23. Филимонов С. Б. Тайны судебно-следственных дел: документальные очерки о жертвах политических репрессий в Крыму в 1920–1940-е гг.: к 80-летию окончания Гражданской войны в Крыму. Симферополь: Таврия-Плюс, 2000.
24. Чириков Е. Н. Зверь из бездны: Поэма страшных лет: в 2 т. Т. I. Прага: Пламя, 1926.
25. Чириков Е. Н. Зверь из бездны: Поэма страшных лет: в 2 т. Т. II. Прага: Пламя, 1926.
26. Шмелев И. С. Пути небесные: Избр. произв. М., 1991.
27. И. С. Шмелев: мир ушедший – мир грядущий: тезисы докладов II Крымской международной научной конференции, 21–25 сентября. Алушта, 1993.
28. Шмелев И. С. Собр. соч.: в 12 т. М.: Сибирская Благозвонница, 2008. Т. 6: 1923–1924. Солнце мертвых: эпопея; рассказы; публицистика.

References

1. Andrushko Ch. *Obraz vremeni: «Solntse mertvykh» I. Shmeleva i «Golyi god» B. Pil'nyaka* [The image of time: "The Sun of the Dead" by I. Shmelev and "The Naked Year" by B. Pilnyak] *Krymskie mezhdunarodnye Shmelevskie chteniya «Khudozhestvennyi mir I. Shmeleva i traditsii slavyanskikh literatur»* [Crimean International Shmelev's readings "The Artistic World of I. Shmelev and the Traditions of Slavic Literatures"]. Simferopol': Tavriya-Plyus Publ., 2004. Pp. 90–97.
2. Bogoyavlenskaya I. M. «*A chitayut naraskhvat*»: *Krymskii roman E. N. Chirikova «Zver' iz bezdny»* ["And read like hot cakes": Crimean novel by E. N. Chirikova "The Beast from the Abyss"] *Krymskii arkhiv* [The Crimean archive]. 2000. № 6. Pp. 283–288.
3. Bogoyavlenskaya I. M. *Kharakter prostranstvenno-vremennogo otnosheniya v epopee «Solntse mertvykh»* [The nature of the space-time relationship in the epic "The Sun of the Dead"] *Krymskie mezhdunarodnye Shmelevskie chteniya* [Crimean international Shmelev's readings]. Simferopol': Krymskii arkhiv, 1995. Pp. 6–8.
4. Bulgakov M. A. *Beg* [Run] Bulgakov M. A. *Sobr. soch.: v 8 t.* Moscow: Tsentrpoligraf Publ., 2004. T. 3. *Belaya gvardiya: Roman, p'esy / vstup. st. i komment. V. Petelina.*
5. Varlamov A. *Beg ot sud'by: Aleksei Varlamov – ob avtore «Mastera i Margarity»* [Running from fate: Alex Varlamov - about the author of "The Master and Margarita"]. [El. resurs]: http://sinergia-lib.ru/index.php?section_id=1568&id=1632&view=print/ (data obrashcheniya / accessed: 29.04.2016). Zagl. s ekrana.
6. Voloshin M. A. *Terror* [Terror]. Voloshin M. A. *Stikhi o terrore* [Poems about terror]. Berlin: knigoizdatel'stvo pisatelej v Berline Publ., 1923.
7. Goryunova R. M. *Zhanr i sistema obrazov (Epopeya I. S. Shmeleva «Solntse mertvykh»)* [Genre and system of images (The epic of IS Shmelev "Sun of the dead")] *I. S. Shmelev: mir ushedshii – mir gryadushchii: tezisy dokladov II Krymskoi mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, 21–25 sentyabrya 1993* [I.S. Shmelev: the world is gone – the future world: abstracts of the II Crimean International Scientific Conference, September 21–25, 1993]. Alushta, 1993. Pp. 7–8.
8. Goryunova R. M. *Obrazy i motivy russkogo narodnogo eposa v epopee I. Shmeleva «Solntse mertvykh»* [Images and motifs of the Russian folk epic in I. Shmelev's epic "The Sun of the Dead"] *Krymskie mezhdunarodnye Shmelevskie chteniya*. Simferopol': Krymskii arkhiv, 1995. Pp. 12–14.
9. Dostoevskii F. M. *Besy. Roman v trekh chastyakh* [The demons. The novel is in three parts]. Chast' vtoraya. St. Petersburg, 1873.
10. Zimenko L. *Neizvestnyi Trenev: zolotoi fond «Tavriki»* [Unknown Trenev: gold fund "Tavrica"]. Simferopol', 1998.
11. Solzhenitsyn A. I. *Ivan Shmelev i ego «Solntse mertvykh». Iz «Literaturnoi kollektsii»* [Ivan Shmelev and his "Sun of the Dead." From the "Literary Collection"]. *Novyi mir* [New world]. 1998. № 7. [El. resurs]: http://magazines.russ.ru:81/novyi_mi/1998/7/dnpisat.html (data obrashcheniya: 01.04.2015).
12. *Kakovo otnoshenie Tserkvi k tvorchestvu M. Bulgakova?* [What is the attitude of the Church towards the creativity of M. Bulgakov?] [El. resurs]: <http://www.pravoslavie.ru/answers/print6615.htm/> (data obrashcheniya: 29.04.2014). Zagl. s ekrana.
13. Kalinin I. *Pod znamenem Vrangelya* [Under the banner of Wrangel]. Leningrad: Priboi Publ., 1925.
14. Kormilov S. I. *Izobrazitel'noe i vyrazitel'noe v «Solntse mertvykh» I. Shmeleva* [Pictorial and expressive in the "Sun of the Dead" by I. Shmelev] *Tezisy dokladov II Krymskoi mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, 21–25 sentyabrya. Alushta* [Abstracts of the II Crimean International Scientific Conference, September 21–25], 1993. Pp. 5–6.

15. Kupriyanova T. F. *Leksicheskie sredstva vyrazheniya ponyatiya «Ya – drugoi» v tekste epopei I. S. Shmeleva «Solntse mertvykh»* [Lexical means of expressing the concept "I am different" in the text of I. Shmelev's epic "The Sun of the Dead"] *Krymskie mezhdunarodnye Shmelevskie chteniya «I. S. Shmelev i dukhovnaya kul'tura pravoslaviya»* [Crimean international Shmelev's readings "I. S. Shmelev and the spiritual culture of Orthodoxy "]. Simferopol': Tavriya-Plyus Publ., 2002. Pp. 159–167.
16. Norina N. V. *Tragicheskoe sostoyanie mira v «Solntse mertvykh» I. S. Shmeleva* [The tragic state of the world in the "Sun of the Dead" I.S. Shmelev] *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University]. 2011. № 25 (240). Filologiya. Iskuststvovedenie. Vyp. 58. Chelyabinsk, 2011. Pp. 119–125.
17. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii* [Dictionary of the Russian language: 80 000 words and phraseological expressions] RAN, Institut russ. yaz. im. V. V. Vinogradova. 4-e izd., dop. Moscow: Azbukovnik Publ., 1997.
18. *Perepiska sem'i Chirikovykh 1915, 1920–1922 godov* [Correspondence of the Chirikov family of 1915, 1920-1922] *Krymskii arkhiv* [The Crimean archive]. № 7. Simferopol', 2001. Pp. 443–464.
19. Rakovskii G. *Konets belykh. Ot Dnepra do Bosfora* [End of whites. From the Dnieper to the Bosphorus]. Praga, 1921.
20. Sokolov B. V. *Mikhail Bulgakov: zagadki tvorchestva* [Mikhail Bulgakov: puzzles of creativity]. Moscow: Vagrius Publ., 2008.
21. Spiridonova L. A. *Tragediya Ivana Shmeleva, pisatelya i cheloveka* [The tragedy of Ivan Shmelev, writer and man] *Materialy II mezhdunar. nauch.-prakt. konf., 21–25 sent. 1993 g. Alushta* [Materials II in. scientific-practical. conf., 21-25 Sept. 1993 Alushta], 1993.
22. Trenev K. A. *Otorvannyi list* [Tear off leaf] *Novyi grad* [New town]. Simferopol', 1995. Pp. 89–96.
23. Filimonov S. B. *Tainy sudebno-sledstvennykh del: dokumental'nye ocherki o zhertvakh politicheskikh repressii v Krymu v 1920–1940-e gg.: k 80-letiyu okonchaniya Grazhdanskoi voyny v Krymu* [Secrets of forensic investigation: documentary essays on victims of political repression in the Crimea in the 1920s-1940s: to the 80th anniversary of the end of the Civil War in the Crimea.]. Simferopol': Tavriya-Plyus Publ., 2000.
24. Chirikov E. N. *Zver' iz bezdny: Poema strashnykh let: v 2 t.* [Beast from the abyss: Poem of terrible years: 2 t.] T. I. Praga: Plamya Publ., 1926.
25. Chirikov E. N. *Zver' iz bezdny: Poema strashnykh let: v 2 t.* [Beast from the abyss: Poem of terrible years: 2 t.] T. II. Praga: Plamya Publ., 1926.
26. Shmelev I. S. *Puti nebesnye: Izbr. proizv* [Heavenly Ways: Selected Works]. Moscow, 1991.
27. *I. S. Shmelev: mir ushedshii – mir gryadushchii: tezisyy dokladov II Krymskoi mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, 21–25 sentyabrya 1993* [I.S. Shmelev: the world is gone – the future world: abstracts of the II Crimean International Scientific Conference, September 21–25, 1993]. Alushta, 1993.
28. Shmelev I. S. *Sobr. soch.: v 12 t.* [Collected Works: in 12 volumes]. Moscow: Sibirskaya Blagozovonnitsa Publ., 2008. T. 6: 1923–1924. *Solntse mertvykh: epopeya; rasskazy; publitsistika*.